

**БОРЬБА ФИНОРГАНОВ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
С ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ В НЭПОВСКИЙ ПЕРИОД**

© 2016 Р.А. Мухамедов, С.С. Селеев

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова

Статья поступила в редакцию 19.02.2016

В статье представлен анализ мероприятий, проводимых финансово-кредитными организациями Симбирской губернии в период нэпа с целью взыскания задолженности по ссудам, кредитам и окладным страховым платежам.

Ключевые слова: просроченная задолженность, перечень неизымаемого имущества, Госбанк, ссуда, залог ценных бумаг, судебный приказ.

Просроченная задолженность по кредитам банков и кооперации и страховым платежам в период нэпа была очень серьезной проблемой в целом по стране, так и в Симбирской губернии в частности. Достаточно сказать, что в отдельные периоды 1923-1924 операционного года в ряде кооперативов задолженность достигала 80-90% от числа всех выданных ссуд¹.

Не лучше была ситуация и в страховании, где задолженность по окладному страхованию достигала 70%. В связи с этим 24 октября 1922 г. председателем правления Госстраха Д.И. Ефремовым был разослан циркуляр об оказании поддержки местным органам Госстраха в сборе обязательных страховых платежей. На местах, по распоряжению волостных исполнительных комитетов (ВИКов), для взыскания задолженности по окладному страхованию помимо агентов и самих работников ВИКов была привлечена милиция. Однако задача взыскания окладного страхового сбора представлялась чрезвычайно трудной, так как все денежные средства крестьян шли прежде всего на уплату сельскохозяйственного налога. В целом же основными причинами задолженности по окладу, невозврату и просрочкам по оплате ссуд и кредитов следует признать нехватку средств у населения после уплаты всех налогов и сборов, колоссальный уровень инфляции до денежной реформы 1924 г., крайне низкий уровень бухгалтерского учета в низовых кооперативах и нецелевое расходование ссуд, которое в отдельных местностях достигало 30%².

Однако возвратность кредитов и общая финансовая дисциплина к 1924-1925 операционному году значительно ухудшились. Среди основных причин этого явления – «сжатие» кредитов, неурожай, нерациональность использования заимствованных средств, а также малая доля собственных средств в финансовых капиталах кооперации. Невозвратность кредитов в этот период привела к ликвидации значительного

Мухамедов Рашид Алимович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории. E-mail: rasit56@mail.ru
Селеев Сергей Сергеевич, аспирант.
E-mail: sseleev@gmail.com

количества кредитных и универсальных кооперативов с кредитными функциями. Симгубком в обзоре современного состояния сельскохозяйственной кооперации писал: «После известного ряда причин с/х кооперация, начиная с союзов и кончая периферией, оказалась в большом долгу, как у кредитных, так и хозяйственных государственных органов, результатом чего и явились как кризис финансовый, так и хозяйственный». Финансовый кризис больше всего ударил низовую сельскохозяйственную кооперацию, причем 70% универсальных товариществ Ульяновского района было ликвидировано.

Изучение отчетности и внутренних документов кредитной кооперации губернии позволяет отнести к числу причин, поставивших кооперативы на грань банкротства, следующие: несоответствие условий кредитования размерам, задачам и срокам хозяйственной деятельности кооперативов; административное и прочее вмешательство в работу кооперативов в виде нарушений уставов, выборности правлений, твердых лимитов и т.п.; обход союзов кредитными учреждениями, госпромышленностью и госторговлей, стремившимися создать непосредственную связь с кооперативами. Очень часто к фактическому банкротству приводила и «работа» самих кооператоров. Участвовавшие случаи просчетов, растрат и других злоупотреблений губительно влияли на организацию дела. Например, данные по низовой сельскохозяйственной кооперации Ульяновского Райселькредсоюза свидетельствуют, что из 54 организаций, входящих в систему союзного объединения, за 1924-1925 операционный год были произведены растраты в 11 товариществах, т.е. в 20% на общую сумму 23 200 рублей (табл.1), что составило 50% всего паевого капитала.

Сказались и недостатки, лежащие внутри самой системы кооперации: несогласованность оперативных планов с финансовыми возможностями; увлечение рискованными операциями; слабая кредитная и деловая дисциплина, невыполнение договоров. В балансах уездных союзов и универсальных товариществ собственные средства составляли 15,7%, при этом 10,2%

Таблица 1. Растраты и хищения по Ульяновскому Райселькредсоюзу*

Период	Сумма растрат, р.	Количество растрат	Число растратчиков	Дел передано в суд
1924-1925 операц. год	23 200,33	11	21	9
I полугод. 1925-1926 г.	3180,90	7	7	4

* Составлено по: Мухамедов Р.А. Кредитная и ссудосберегательная кооперация в средневожской деревне во второй половине XIX в. - 1920-е годы. Дисс. ... докт. ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Ульяновск, 2010

представляли собой недвижимое имущество, следовательно, свободного капитала, участвующего в обороте, оставалось 5,5%³. Все это явилось не следствием того, что кооперация прожила какие-то средства, а свидетельствовало о том, что возникновение кооперативных организаций не носило того экономически-нормального порядка, который необходим при создании такого вида организаций. Кооперация губернии ниоткуда не получала средств в основной капитал, а лишь занималась распределением. Вследствие этого кооперация от снижения цен и сжатия кредитов пострадала больше других. Чтобы хоть как-то исправить положение, руководством губернии и руководителями кооперативных союзов предлагалось пересмотреть политику кредитования универсальных товариществ, «по возможности заменяя краткосрочные кредиты по учету векселей более долгосрочными ссудами»⁴.

Не в последнюю очередь на плачевной ситуации части кооперативов сказались и то, что в ряде случаев политическая воля превалировала над экономическим состоянием организаций. Наделав долгов, они могли «списать» их (получить кредит из фонда санирования, рассрочку выплат и т.д.), мотивируя это «политической важностью деятельности» в своем районе. Вышесказанное может быть проиллюстрировано материалами докладной записки о прекращении с 26 февраля 1925 г. своей деятельности сельскохозяйственного кредитного товарищества «Красный Волгарь». К февралю этого года оно имело совокупный долг по векселям 8 290 рублей и задолженность разным лицам и учреждениям 1643,03 рубля, при этом паев было внесено только 50%⁵. Райселькредсоюз отказал в отсрочке платежей ввиду своего тяжелого финансового положения. Сельхозбанк также отказал в отсрочке платежей, за исключением выданных ссуд по «лошадным» операциям. При этом правление общества ходатайствовало перед губкомом о сохранении общества, предоставлении отсрочек по платежам и предоставлении новых кредитов: «В целях сохранения товарищества «Красный Волгарь» по политическим соображениям считаем таковой оставить необходимым, почему и просим РКП(б) добиться через Губком об оставлении указанного выше товарищества». В конечном итоге, вопреки экономическим условиям, общество было сохранено.

Активная борьба с просроченной задолженностью началась в 1924-1925 операционном году,

когда общая задолженность по ссудам кооперации в губернии составила более 2 млрд. рублей⁶, а невзысканные задолженности за 1923-1924 гг. по обязательному окладному страхованию достигли 25-27% от суммы годового оборота Симбирской конторы Госстраха. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1924 г. «О предоставлении права беспорочного взыскания по ссудам, выдаваемым кредитными и ссудо-сберегательными товариществами»⁷ «учреждениям мелкого кредита» было предоставлено право взыскания с должников и их поручителей просрочек в порядке судебных приказов. Для этого правлению кооператива нужно было предоставить документ о кредите и заявление о взыскании долга «в порядке судебного приказа».

В то же время сельскохозяйственному банку было отказано во взыскании по судебному приказу, поэтому рост задолженности в этом кредитном учреждении продолжился. И, несмотря на меры по укреплению финансовой дисциплины, предпринимаемые в течение 1924-1925 операционного года, на 1 ноября 1925 г. сумма задолженности клиентов перед обществом сельскохозяйственного кредита (проводник кредитов сельскохозяйственного банка в губернии) выросла почти до 80000 рублей и продолжала возрастать с каждым днем (табл. 2). Ко всем «неисправным заемщикам» предъявлялись самые строгие требования немедленной уплаты долгов, «вплоть до взыскания через суд».

Значительная задолженность за сельскохозяйственными товариществами, госорганами, коллективами и единоличниками объясняется тем, что в начале развития ссудных операций, за отсутствием низовой сети, общество проводило кредиты как через посреднические пункты, так и, главным образом, через сельскохозяйственные товарищества, коллективы, союзы и непосредственно кредитовало единоличников. И по итогам работы постепенно из числа добросовестных товариществ отобрало более или менее здоровую низовую сеть для дальнейшей кредитной работы. Кроме того, увеличение процента просрочек по отношению к выданным ссудам на 1 октября 1926 г. объяснялось наступлением срока возврата главной массы ссуд, приуроченных к началу полной реализации урожая, т.е. к наивысшей денежности сельского хозяйства при нормальных условиях его ведения, но не выполненного заемщиками по не зависящим от них причинам, оттянувшим реали-

Таблица 2. Просроченные ссуды низовой сети
Ульяновского общества сельскохозяйственного кредита*

Период	Остатки выданных ссуд, руб.	Сумма просроченных ссуд, руб.	% по отношению к выданным
На 1.10 25 г.	291645	24762	8,5
На 1.10 26 г.	246000	74600	30,4

* Источник: ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.1081. Л.115

защиту хлеба на неопределенный период времени⁸.

В то же время часть вины за большую задолженность по окладу Ульяновская контора Госстраха возлагала на местную власть. С 5 октября 1926 г. были приняты меры к усилению поступлений и ликвидации недоимочности прежних лет. Через соответствующие исполкомы выносились постановления об усилении работы ВИКаами, в частности, говорилось: «если все внимание Волисполкомов и населения сосредоточено теперь на взыскании и уплате сельхозналога, то взыскание страхового оклада и недоимки почти не двигается». Из 1079933 рублей оклада и недоимок по губернии на 1 декабря было уплачено всего 97748 рублей⁹.

Взыскание просроченной задолженности осуществлялось по закону с помощью исполнительных листов, изъятия имущества должника и реализации его на аукционе. Однако получить что-то от должника даже в судебном порядке до 1926 г. было затруднительно. Дело в том, что закрытый перечень неизъемаемого имущества был настолько велик, что у многих заемщиков попросту нечего было изымать. Согласно статье 271 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, вступившего в силу с 1 октября 1923 года, взысканию с должника не подлежали: «а) необходимые для него и для находящихся на его иждивении лиц платья, белья, обуви и предметов домашнего обихода; б) орудия производства и инструментов, необходимых для профессионального занятия, ремесла или мелкого кустарного промысла должника; в) необходимые орудия сельского хозяйства, одной коровы, одной лошади или заменяющего их другого вида скота с необходимым на три месяца количеством корма; г) семена в количестве, необходимом для предстоящего посева обрабатываемой должником земли, и д) неснятый урожай»¹⁰. Пожалуй, лишь отдельные середняки и зажиточные крестьяне имели имущество свыше этого списка. По словам В.М. Молотова, сказанным во время доклада на XIV съезде ВКП(б), лишь 93% крестьян имели 1-2 лошади, и 9% имели в хозяйстве более 2 коров¹¹.

В ряде случаев, ссылаясь на 271 статью ГПК РСФСР заемщики не желали платить ссудные долги вообще. Причем наличие этой статьи не позволяло обществу принять к злостным неплательщикам решительные меры воздействия. Наоборот, в распоряжении общества имелся целый ряд актов судебных исполнителей и волостной, и сельской милиции, составленных со ссылкой на 271 статью, о несостоятельности заемщиков и

невозможности произвести взыскание ссуд. Это обстоятельство в свою очередь отрицательно действовало на кредитную дисциплину других односельчан-заемщиков, и периодически появлялись случаи полного отказа заемщиков от платежей ссуд и даже отказе переписки на новые сроки долговых документов в целях дачи отсрочек.

Впоследствии, в октябре 1924 года, этот перечень неизъемаемого имущества был расширен – изъятию не подлежали паевые взносы должника в потребительское общество, «если взносы эти поступили в распоряжение последнего». В декабре того же года и этот пункт был скорректирован – добавились уже уплаченные взносы в сельскохозяйственные кооперативы. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 13 июня 1925 года перечень вновь был дополнен – теперь нельзя было взыскивать страховое вознаграждение по договору страхования, «причитающиеся страхователям по обязательному окладному страхованию, при условии обращения этих сумм исключительно на восстановление погибшего имущества»¹².

Борьба с просрочками стояла на повестке дня и в 1925-1926 операционном году – перед властями на местах была поставлена задача «во что бы то ни стало ликвидировать старые долги». С целью быстрого взыскания задолженности власти на местах стали использовать «ускоренную опись» имущества должника и последующую его продажу на торгах либо «перекладывание» задолженности бедняков по налогам на зажиточных крестьян. В это же время от руководителей местных отделений Госбанка и контор Госстраха стали поступать телеграммы с жалобами на то, что местные органы НКВД, имея на руках исполнительные листы, не могут взыскать имущество должников, защищенное законом. Только тогда уже упомянутая статья Уголовно-процессуального кодекса была дополнена примечанием, позволявшим обращать на взыскание имущество, которое должник приобрел на средства, взятые в кредит. «Исключение, предусмотренное в пункте «в» настоящей статьи, не распространяется на перечисленные в этом пункте предметы, если таковые приобретены на ссуды» – гласила новая редакция закона от 1926 года. Изменение законодательства в части взыскания имущества и другие чисто административные меры позволили к середине 1927 г. избавиться от просроченной задолженности в кредитовании, страховании и налоговых платежах.

Дальнейшая борьба с просрочками пошла по пути дискриминации на основании классовой

принадлежности. Согласно циркулярному распоряжению НКФ РСФСР от 12 ноября 1929 г. по вопросу о досрочном взыскании ссуд с кулацких и зажиточных групп деревни, Ульяновский райисполком обращал внимание товариществ на важность проводимой кампании по взысканию платежей на селе и «особенно с кулацко-зжиточной верхушки деревни»¹³. Якобы в результате «искривления классово-линии» в кредитной работе некоторых сельскохозяйственных кредитных товариществ образовалась задолженность по выданным системой сельскохозяйственного кредита ссудам, числящимся за зажиточными и кулаками. По постановлению государственных органов необходимо было ликвидировать всю задолженность в самый кратчайший срок. Взысканию подлежали все ссуды, имеющиеся за кулацкими и зажиточными слоями деревни, независимо от характера и источников их средств, за счет которых указанные ссуды были выданы, а также сроков выданных ссуд. При этом кулацкими хозяйствами признавались все крестьянские хозяйства, облагаемые сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке. К зажиточным хозяйствам, с которых производилось досрочное взыскание задолженности, относились те крестьянские хозяйства, которые уплачивали сельскохозяйственный налог с процентной надбавкой в 7%. К злостным должникам необходимо было применять «меры взыскания через судебные органы, добиваясь быстрого рассмотрения таких дел в судебных органах»¹⁴.

Как уже было сказано, основными потребителями кредитов сельскохозяйственной кредитной кооперации к концу 1920-х гг. являлись бедняцкие и середняцкие слои деревни. Начавшаяся коллективизация привела к потере кооперацией своей основной клиентуры и последующей реорганизации этих кредитных товариществ. Перестройка работы кооперативных органов регламентировалась постановлением ЭКОСО РСФСР от 15 октября 1929 г. Окружной комиссар П.В. Шулькин писал в телеграмме Ульяновскому райкому 20 сентября 1929 г.: «Реорганизация глубинных кредитных товариществ будет проведена не ранее как через шесть-восемь месяцев»¹⁵.

Подводя итоги, можно отметить, что борьба с задолженностью финорганами Симбирской губернии совместно с властями на местах и милицией велась на всем протяжении 1920-х гг. Ликвидации задолженности способствовало ужесточение законодательства, а именно статьи 271 ГПК РСФСР, регламентирующей перечень неизъясимого имущества. К концу нэповского периода взыскание долгов и действующих ссуд с зажиточно-кулацкой части деревни было осуществлено административными методами, не согласующимися с действовавшим на тот момент законодательством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мухамедов Р.А. Кредитная кооперация в период Первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. №2. С.138-140.
- ² Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИУО). Ф.1. Оп.1. Д.497. Л.35.
- ³ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.927. Л.146.
- ⁴ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.907. Л.147.
- ⁵ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.958. Л.75.
- ⁶ Мухамедов Р.А. Кредитная и ссудно-сберегательная кооперация Среднего Поволжья в период проведения политики «военного коммунизма» (1918-1920 гг.). // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т.150. №1. С.140-147.
- ⁷ Мухамедов Р.А. Торгово-посредническая деятельность кооперативов Среднего Поволжья (1901-1917 гг.). // Исторические науки. 2007, №5. С.25-28.
- ⁸ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.1081. Л.114-115.
- ⁹ Пролетарский путь. 1926. 11 декабря. №284. С.2.
- ¹⁰ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.1076. Л.17-18.
- ¹¹ Мухамедов Р.А. Кредитная и ссудосберегательная кооперация в средневожской деревне во второй половине XIX в. - 1920-е годы. Диссертация ... доктора исторических наук / Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Ульяновск, 2010.
- ¹² Мухамедов Р.А. Роль государства в деятельности крестьянской кредитно-финансовой кооперации (конец XIX - начало XX века) // Симбирский научный вестник. 2012. №1 (7). С.26-29.
- ¹³ ГАНИУО. Ф.1. Оп.1. Д.1083. Л.127.
- ¹⁴ Мухамедов Р.А., Карцев С.В. Кооперативно-государственная система взаимоотношений в средневожской деревне // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т.15. №5-1. С.43-47.
- ¹⁵ ГАНИУО. Ф.13. Оп.1. Д.844. Л. 74.

COLLECTION OF OVERDUE DEBTS BY FINANCIAL BODIES OF SIMBIRSK PROVINCE IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY

© 2016 R.A. Muhamedov, S.S. Selev

Ulyanovsk State Pedagogical University named by I.N. Ulyanov

The article contains the analysis of the measures conducted by financial and credit organizations of the Simbirsk province in the period of new economic policy for collection of overdue debts on loans, credits and salary insurance payments.

Keywords: overdue debt, list of the properties non-subjected to withdrawal, State bank, loan, mortgage of security paper, court order.

Rashit Mukhamedov, Doctor of History, Professor of the Department of History. E-mail: rasis56@mail.ru
Sergej Selev, Post-Graduate Student. E-mail: sselev@gmail.com